

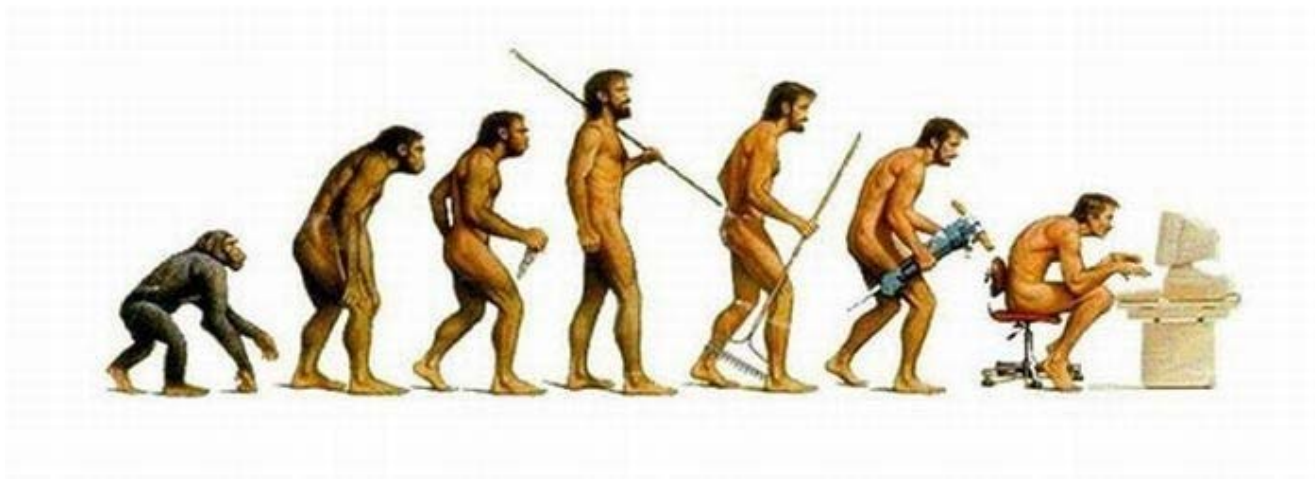
ВЕСТНИК

центра апологетических
исследований



78/20

Подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуды 3)



ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЗЛА: НЕСОВМЕСТИМЫЕ ВЕЩИ

Дж. Дэниел Мак-Дональд

Также в этом выпуске:

- Модный оккультизм (с. 12)
- Видеть невидимое: природа духовной войны (с. 18)
- Трудные вопросы и поверхностные ответы (с. 23)

Атеистические, материалистические возражения против существования Бога, основанные на существовании зла, отталкиваются от четких представлений о зле — иначе говоря, скептики знают, что оно собой представляет. Костяком мировоззрения сторонников атеистического материализма является Дарвинова теория эволюции с естественным отбором в качестве слепого орудия изменений. Если допустить, что естественный отбор имеет место, каким образом поборник этой идеи может определить, что такое зло, и в чем конкретно оно заключается? Я называю это «эпистемологией зла». В своей статье я попробую доказать, что вера в естественный отбор и вера в существование зла противоречат друг другу, а значит, возражение против существования Бога, основанное на существовании зла, несостоятельно.

1. Введение

Один из способов, с помощью которых атеистические материалисты оспаривают истинность христианства, — апелляция к проблеме зла. Однако в основе их рассуждений лежат четкие представления о зле — они знают, что это такое, и используют это знание, чтобы опровергнуть существование Бога. Эволюция составляет костяк мировоззрения атеистических материалистов, а естественный отбор выступает в роли слепого орудия изменений, приводящего в действие эволюционный процесс.

Если допустить, что представления о естественном отборе верны, что именно делает поступки человека злом или не-злом?¹ Более того, на каком основании можно считать злом природные катастрофы, если их причины, как правило, носят естественный характер? Одним словом, откуда поборник идеи естественного отбора может знать, что представляет собой зло, и что именно является злом? Мы будем называть это «эпистемологией зла».

1.1. Тезис

Цель настоящей статьи — продемонстрировать, что вера в естественный отбор противоречит вере в существование зла, и это ставит под сомнение возможность использования проблемы зла для опровержения бытия Бога. Первая часть представляет собой обзор высказываний известных атеистов (в частности, Сэма Харриса и Ричарда Докинза), которые утверждают, что реальность зла исключает возможность существования Бога, и это утверждение подразумевает наличие у них некоей

эпистемологии зла. В следующей части мы проанализируем рассуждения упомянутых авторов о роли и характере естественного отбора в повседневной жизни — в частности, в контексте событий, которые обычно принято считать проявлениями «зла». Далее мы обобщим итоги первых двух частей и продемонстрируем несочетаемость веры в естественный отбор с четкими представлениями о зле. В завершение третьей части мы поговорим об отсутствии единства в рассуждениях эволюционистов о естественном отборе и убедимся, что поборникам нового атеизма приходится совершать метафизический прыжок, чтобы говорить о существовании объективных нравственных ценностей. Наконец, в последней части статьи мы сделаем практический вывод о невозможности использования проблемы зла в качестве аргумента против бытия Бога.

1.2. Небольшая оговорка

После трагедии 11 сентября 2001 года проблема зла — и без того никогда не исчезающая из философских и богословских дискуссий — оказалась в центре внимания не только христианских, но и нехристианских мыслителей, в особенности атеистов. Многие из них сосредоточились на действиях мусульманских джихадистов как высшем проявлении зла, но некоторые взглянули на вопрос шире и объявили причиной всяческого зла религию вообще. Четыре сторонника последней точки зрения: Кристофер Хитченс, Ричард Докинз, Дэниел Дэннетт и Сам Харрис, — стали широко известны. Все они представляли движение, которое сегодня обычно именуют «новым атеизмом».

Новые атеисты привлекли к себе внимание не только апологетов теизма, которые написали множество книг с опровержением подобных заявлений о религии, но и ученых самых разных специальностей, а также, что самое важное, широкой общественности. Но хотя «четыре всадника нового атеизма» быстро доказали, что представляют серьезную угрозу для религии, их влияние было сродни летней грозе в штате Луизиана — мощный ливень, раскатыстый гром, порывистый ветер, но все это быстро проходит, почти не оставив следов. Собственно, влияние нового атеизма оказалось настолько мимолетным, что христианский философ Пол Копан даже пошутил: «Они остались в 2006 году!»²

Но если это наблюдение Копана было справедливо еще в 2011-м, зачем же пинать пресловутую мертвую лошадь сегодня? Чтобы не отклоняться от темы, я предложу одну при-



«Четыре всадника атеизма»: Кристофер Хитченс, Дэниел Дэннетт, Ричард Докинз и Сэм Харрис

(c) newrepublic.com

чину, по которой очередная статья с критикой нового атеизма оправдана. Наверное, одной из самых значимых причин популярности и влияния новых атеистов — в особенности, когда они находились на пике славы, — была широкая доступность их сочинений. «Четыре всадника», люди высокообразованные и хорошо разбирающиеся в своих областях, рассуждали о серьезных вопросах так, что вызывали интерес даже у неспециалистов. При всей их высокомерной насмешливости по отношению к религиозным оппонентам, благодаря литературному кругозору Хитченса, страстности и целеустремленности Харриса, а также присущему Дэннетту и Докинзу умению говорить о науке доступным языком, книги новых атеистов было легко читать и понимать. Их способность облекать сложные идеи в простую литературную форму позволяла читателям с обманчивой легкостью полагаться на здравость представленных выводов. Таким образом, если сочинения этих людей и дальше будут пользоваться популярностью, христианским апологетам следует предвидеть и опровергать их доводы ради спокойствия Церкви и защиты Истины.

2. Естественный отбор

Каждый человек сознательно или неосознанно руководствуется каким-то мировоззрением. Любое мировоззрение включает в себя некий нарратив, объясняющий происхождение мира. Неотъемлемой частью полемики, о которой идет речь в этой статье, являются два нарратива, конкурирующих в западной культуре — в особенности, в США. Первый из них, которого христиане придерживались в прошлом, и которого в большинстве своем сегодня придерживаются консервативные христиане, видит в первых двух

главах книги Бытия основу для понимания того, каким образом Бог сотворил мир. Второй нарратив, дарвиновская теория, утверждает прямо противоположное: что вселенная возникла в ходе медленного, изобилующего ошибками и бессмысленного процесса эволюции³. Эта теория устраняет потребность в творце, потому что мир, каким мы его знаем, развивался на протяжении миллиардов лет — простейшие организмы превращались в сложные и разнообразные биологические системы, состоящие из растений, животных и насекомых, а небесные тела давали жизнь микроскопическим бактериям, вирусам и микробам. Хотя эти два нарратива встречаются в разных вариантах и сочетаниях, приведенные выше формулировки отражают противоположные края растущей пропасти между христианством и светской культурой. Новые атеисты видят в дарвиновской эволюции главный стержень своего мировоззрения. Они утверждают, что научные данные доказывают истинность этой теории⁴, но в своих сочинениях Докинз, Дэннетт, Харрис и Хитченс опираются на дарвиновскую эволюцию как на базовое убеждение. А поскольку для них это аксиома, новые атеисты утверждают, что Бог и религия — пережитки давно минувших дней до начала научной эры.

Важную роль в их эволюционной схеме играет дарвиновская идея естественного отбора. Дэниел Дэннетт утверждает, что без нее Дарвину не удалось бы «собрать воедино все косвенные доказательства того, что [эволюция] на самом деле имела место»⁵. Но, объяснив, каким образом происходила эволюция, ученый соединил предыдущие открытия натуралистов и собственные наблюдения в связное и убедительное объяснение мироустройства, исключая необходимость в существовании Бога.

Богословы и христианские философы немало писали о взаимоотношениях между эволюционной теорией (по сути, наукой вообще) и верой (теологией). Наиболее значимыми, по всей видимости, следует считать те работы, авторы которых пытаются показать, что эволюция не заменяет Бога и не опровергает Его существование. Не так давно Филип Польник, профессор науки и богословия из Университета св. Фомы, издал монографию *Origins: God, Evolution, and the Question of the Cosmos* («Истоки: Бог, эволюция и вопрос о вселенной»), в которой объяснил, каким образом дарвиновская эволюция *en toto* согласуется с христианством. Другая, еще более важная публикация, — книга Алвина Плантинги *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion, and Naturalism* («В чем истинная суть конфликта: наука, религия и натурализм»), в которой автор утверждает, что дарвиновская эволюция имеет смысл исключительно в контексте теизма⁶. Сквозной темой в этих и других публикациях проходит негативное отношение христианства к идее естественного отбора — по существу, оно лежит в основе всех разногласий.

В представлении новых атеистов естественный отбор объясняет, каким образом мир пришел к тому состоянию, в котором находится сегодня, и каким образом мы можем

распознать в мире зло. В этом разделе статьи мы кратко познакомимся с определением и пониманием естественного отбора, которые они предлагают.

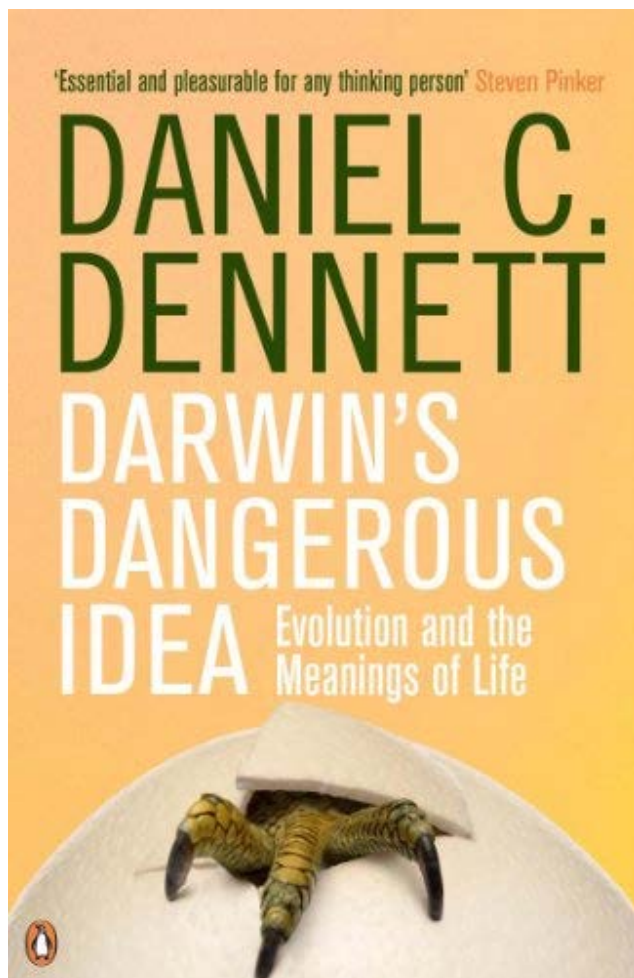
Дэниел Дэннетт сравнил дарвиновский естественный отбор с алгоритмическим процессом. Алгоритм предполагает, что при выполнении определенных условий «гарантированно» будет получен один и тот же результат⁷. Как полагал Дарвин, при наличии достаточного времени и меняющихся «условий жизни», с учетом способности каждого вида размножаться и «в каком-нибудь периоде их жизни, в какое-нибудь время года, в каждом поколении или с перерывами бороться за жизнь», в каждом виде естественно и неизбежно возникают вариации⁸. Дэннетт называет три характеристики алгоритмов, имеющие прямое отношение к естественному отбору:

(1) *нейтральная основа* — сила алгоритма заключается в его логической структуре; процедура будет работать до тех пор, пока выполняются предписанные действия;

(2) *исходная незамысловатость* — каждый шаг и каждый переход между шагами «крайне прост», «достаточно прост, чтобы его сделал даже идиот — или чтобы его выполнило примитивное механическое устройство»;

(3) *гарантированный результат* — если процесс осуществлен правильно, он всегда принесет желаемые результаты⁹.

Ричард Докинз описывает естественный отбор как «метод проб и ошибок, лишенный какого-либо плана», от которого «можно ожидать топорности, неуклюжести и расточительности»¹⁰. Предвидя, что его оппоненты сошлутся на признаки разумного замысла в природе, Докинз называет естественный отбор единственной известной силой, лежащей в основе эволюции, которая «способна создавать иллюзию замысла»¹¹. Если в природе присутствует хоть какая-то видимость разумного устройства, объяснить ее могут лишь две причины: (1) создатель или (2) случайность¹². Апелляция к создателю все усложняет, поскольку порождает новые вопросы. Естественный отбор — «это единственная рабочая, действенная альтернатива случайности из всех когда-либо предложенных»¹³. Речь идет о процессе, в ходе которого все неработоспособное отбрасывается, а эстафету подхватывают наиболее приспособленные виды.



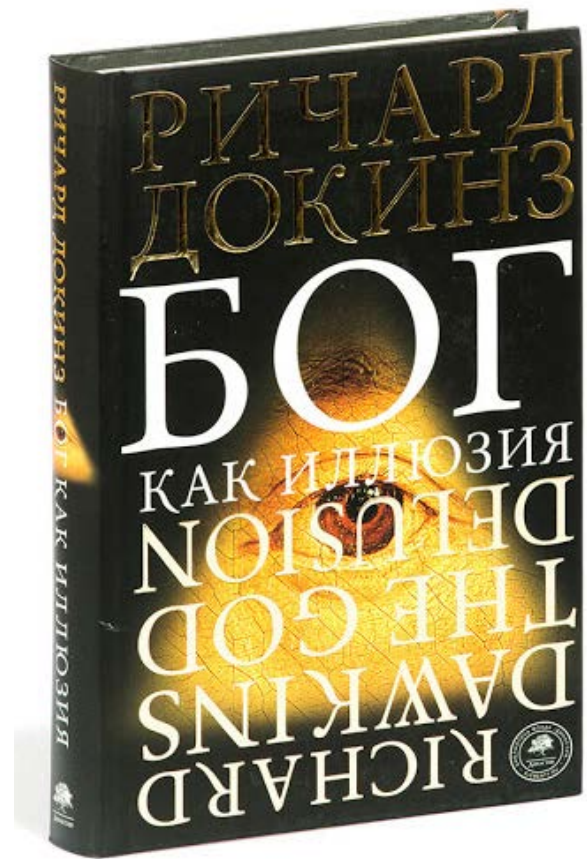
Естественный отбор — это неразумный необходимый процесс, благодаря которому возникла наша сложная и замечательная вселенная, однако это было «куплено дорогой ценой крови и страданий бесчисленных предков и тех и других»¹⁴. Даже Дарвин понимал, что «равнодушные к страданиям оказывается неотъемлемым следствием естественного отбора»¹⁵. С точки зрения Докинза, несмотря на кровавый след, оставленный в истории естественным отбором, эволюция «не добра и не жестока: она безразлична»¹⁶. С одной стороны, естественный отбор благоприятствует «способности запоминать долги, проявлять злопамятность, проверять справедливое совершение сделки и наказывать плутов, пользующихся одолжениями, но не возвращающих долг»¹⁷. То, что мы, люди, считаем злом, вполне соответствует целям естественного отбора.

С другой стороны, в мире явно имеют место проявления альтруизма. Живые существа проявляют бескорыстие по отношению к близким, «потому что статистическая вероятность наличия у них одинаковых генов велика»¹⁸. Таким образом, альтруизм был выбран как черта, способствующая выживанию вида. В наши дни люди обычно не образуют общины по родственному признаку, однако все равно проявляют друг ко другу доброту и бескорыстие. По мнению Докинза, хотя «ограничение», которое заключается в необходимости проявлять альтруизм по отношению к родственникам, больше не действует, оно по-прежнему сохраняется в виде «шаблона поведения», и мы не можем не сочувствовать постороннему человеку. Это «ошибки дарвиновской эволюции, но какие драгоценные, прекрасные ошибки»¹⁹.

В своей критике в адрес христианства новые атеисты уделяют большое внимание теме зла и страданий. О том, каким образом им удастся увязать между собой неразумный процесс естественного отбора и существование зла и страданий, мы еще поговорим. Пока же нас интересует, как они пытаются описать природу зла.

3. Новые атеисты и реальность зла

Как ни странно, в одном вопросе христиане вполне могут найти общий язык с новыми атеистами, и этот вопрос — реальность зла. С точки зрения «Четырех всадников», зла в мире столько много, что они стремятся разоблачить религию как источник любого зла (в прошлом и настоящем) и обратить религиозных людей к рассудительному атеизму²⁰. Убедительность их рассуждениям придают примеры зла, разбросанные по страницам их сочинений.



3.1. Ричард Докинз

В статье под названием «Капеллан дьявола»²¹ Докинз ссылается на страдания, которые животные причиняют друг другу, как на пример зла, ставящего под сомнение существование Бога. Он с одобрением цитирует слова Дарвина: «Я не могу убедить себя, что благой и всемогущий Бог мог умышленно создать наездников-ихневмонид с явным намерением, чтобы они питались внутри тела живых гусениц»²². Примером бессмысленного зла также считается поведение роющей осы аммофилы, которая жалит гусеницу озимой совки сегмент за сегментом, чтобы ее парализовать. Обездвижив гусеницу, оса откладывает в ее тело личинок, которые питаются живым мясом²³. Как Бог может сосуществовать с такими бессмысленными страданиями даже среди насекомых?

В книге «Бог как иллюзия» Докинз вспоминает Пола Хилла, который в 2003 году убил доктора, делавшего аборт, и его телохранителя. Преступник был движим желанием спасти жизни нерожденных детей и утверждал, что сделал бы это еще раз, будь у него такая возможность. За мгновения перед казнью Хилл заявил, что, предав его смерти, государство сделает его мучеником. Докинз пишет, что самовосприятие Хилла было сильно искажено его религиозными убеждениями²⁴. По мнению Докинза, поступок

Хилла — пример того, как зло причиняет «реальное, глубокое, длительное страдание»²⁵.

Возможно богословы питают не меньшее отвращение к злу, чем Докинз, однако он без малейшего уважения относится к христианам и к их попыткам объяснить существование зла. Например, Докинз вспоминает одни дебаты, в ходе которых Ричард Суинберн «пытался оправдать страдания», представив их как возможность «проявить мужество и терпение», «продемонстрировать благожелательность, облегчить мои муки». Бог «скорбит» о мучениях людей, но больше всего хочет, чтобы каждый человек проявлял «терпение, сострадание и щедрость», приближаясь таким образом «к святому идеалу»²⁶. Докинз изгаляется над ответом Суинберна, называя его «извращенной и порочной аргументацией, присущей теологическому рассудку». С точки зрения Докинза, оправдать существование зла невозможно. Это проблема, которая требует решения.

3.2. Сэм Харрис

Сочинения Сэма Харриса изобилуют примерами зла, царящего в мире. В письме к редактору, озаглавленном «The God Fraud», он отвечает на утверждение Карен Армстронг, что отождествление всякой религии с фундаментализмом искажает суть религии. С едкой насмешкой он перечисляет примеры зла, порожденного религией на африканском континенте:

Но в Кении престарелых мужчин и женщин все еще сжигают за наложение проклятий. В Анголе несчастных мальчиков и девочек ослепляли, делали им инъекции аккумуляторной кислоты и попросту убивали их, чтобы изгнать из них бесов. В Танзании ширится криминальная торговля частями тела людей-альбиносов — распространено поверье, что их плоть обладает магическими свойствами²⁷.

Если Армстронг права, какую роль во всем этом играет колдовство? Можно ли считать подобные злодеяния «извращением настоящего колдовства — исполненного глубокого смысла, изначально благонравного, присущего нашей человеческой природе и никуда не собирающегося исчезать»?²⁸ По мнению Харриса, напротив, подобные проявления зла — естественный продукт религии. Предложенная им аналогия явно подразумевает презрительное отношение к утверждениям Армстронг, поскольку, с какой стороны ни посмотреть, всякая жестокость в мире имеет религиозные корни.

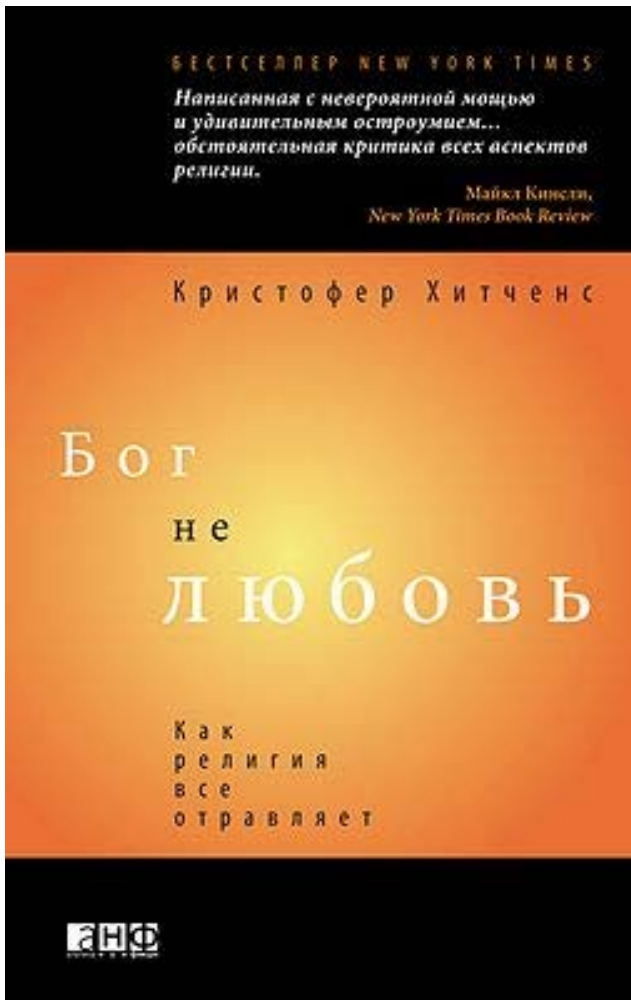
В другой своей книге Харрис пишет: «Оказавшись в мире, в котором действуют силы, пытающиеся разрушить жизнь, человек быстро понимает, что ему следует понять природу этих сил... Вот почему люди жаждут реальных знаний об окружающем мире»²⁹. Как свидетельствует история, «когда люди принимают что-либо на веру без доказательств, это открывает их самую худшую сторону»³⁰. Привилегии, которыми наделила религию политика, не позволяют нам «открыто указать на самый распространенный источник конфликтов в нашем мире», т. е. религию³¹. «И неразумно, и нечестно» игнорировать роль, которую религия играет в проявлениях жестокости³². Трудно поверить, что «обычных людей» можно подтолкнуть к подобным зверствам во имя религии³³.

Харрис опубликовал две статьи по результатам нейробиологических исследований, пытавшихся найти связь между активностью мозга, верой и неверием. Непосредственное отношение к этим исследованиям имеет вопрос о том, где в каком участке мозга находится источник религиозных чувств. Сегодня мы очень мало об этом знаем. По словам Буайе, «религиозные убеждения и представления, вероятно, берут начало в мысленных категориях и когнитивных наклонностях, предшествовавших возникновению религии... [Этими] исходными структурами, вероятно, и объясняется стереотипность формы, которую принимают религиозные верования и обычаи»³⁴.

Как полагает Харрис, «рациональный подход к этике станет реальностью, как только мы поймем, что вопрос о хорошем и дурном — это на самом деле вопрос о счастье и страдании тех существ, которые способны их чувствовать»³⁵. Свое инстинктивное ощущение того, что быть жестоким дурно, мы черпаем не со страниц Библии. «У наших этических представлений должны существовать предтечи в природном мире, потому что хотя в природе хватает зубов и когтей, там действуют определенные законы»³⁶. «Научное понимание связи между намерениями человека, его взаимоотношениями с другими и счастьем помогут нам гораздо глубже познать добро и зло, а также то, как нам следует поступать с безнравственными поступками других людей»³⁷.

3.3. Кристофер Хитченс

Наконец, Кристофер Хитченс в книге «Бог не любовь: как религия все отравляет» с присущей ему язвительностью не стесняется в выражениях. Подобно Харрису и Докинзу, Хитченс возлагает на религию вину за жестокость.



В главе под названием «Религия убивает» он один за другим приводит примеры зла, вызванного религией или имеющего отношение к ней. Он не подкрепляет свое заявление никакими формальными доказательствами, однако убедительность его словам придает яркое чувство отвращения и тревоги, порожденное этими историями о бессмысленных и ненужных страданиях и муках. Следуя за мыслью Хитченса, можно лишь прийти к выводу, что в религии нет ничего искупительного, — либо мы тонем в иррациональности религии, либо благоденствуем в рациональной атмосфере атеизма.

Приведенные выше примеры зла — лишь малая часть подобных историй, которые можно найти в сочинениях новых атеистов, не говоря уже обо всех авторах, считающих проблему зла доказательством того, что Бога нет. Однако они дают неплохое представление о том, как новые атеисты относятся к существованию зла — как к проблеме, требующей решения.

4. Несовместимая пара

Часто говорят о двух характерных особенностях мировоззрения новых атеистов. Во-первых, естественный отбор — это неразумный алгоритмический процесс, который является

движущей силой эволюции. Хотя наш мир пришел к своему нынешнему состоянию путем крови и страданий, эволюция безразлична к тому, что люди считают злом, равно как и к любым проявлениям альтруизма. Смерть и страдания — всего лишь естественное следствие эволюционного процесса.

Второй аспект мировоззрения нового атеизма — реальность зла, в том числе рукотворного. Все новые атеисты — в особенности Сэм Харрис — с неумной энергией возмущаются его присутствием в мире. Зло — объективная реальность, и лишь абсолютно неразумный человек не замечает его в нынешней политике и в нынешнем положении дел мира. Докинз, Деннетт, Харрис и Хитченс столь страстно желают искоренить эту проблему, что вычленили главную причину всех страданий — религию — и поставили собой цель благовествовать миру (в частности, Америке) истину современной науки. Но насколько последовательно новые атеисты используют дарвинистскую эволюцию в качестве мировоззренческой призмы? И насколько последовательно они признают существование зла во вселенной? На первый взгляд, можно с одинаковым успехом верить в эволюцию (естественный отбор) и в реальность зла. Однако при ближайшем рассмотрении эти убеждения взаимно исключают друг друга.

4.1. Еще раз о естественном отборе

Джошуа Мориц отмечает, что Дарвин не видел никакого противоречия между страданиями и естественным отбором³⁸. Как говорил сам создатель эволюционной теории, «страдания вполне совместимы с верой в Естественный Отбор, действие которого несовершенно»³⁹. К тому же, боль, эгоцентризм и соперничество (с которыми сопряжены страдания) — неотъемлемая часть «самого процесса, создающего живые организмы»; конкуренция и борьба за выживание — это «естественное зло»⁴⁰. Без сомнения, новые атеисты, как мы уже говорили, согласны с Дарвином в этом вопросе. Но время от времени в своих сочинениях они утверждают обратное.

4.2. Непоследовательность Докинза и Харриса

Новые атеисты признают, что страдания — естественное следствие естественного отбора, однако Чэд Мейстер называет Ричарда Докинза моральным реалистом, признающим, что одного естественного отбора недостаточно для объяснения доброты⁴¹. Как пишет Сэм Харрис в

своей книге «Конец веры», понять, что «счастье и страдание чувствующих существ (включая нас самих) нас беспокоит», значит понять, что «„естественные“ явления человеческой природы не всегда „хороши“»⁴². Эволюция и естественный отбор могут объяснить наше развитие лишь до некоторой степени: «Разговоры о генетике и естественном отборе не ведут нас дальше, поскольку природа просто готовила нас к размножению. С точки зрения эволюции, для человека главное — оставить после себя как можно больше детей»⁴³. Одним словом, Харрис, как и Докинз, понимает, что наша нравственность (способность признавать объективность зла и страданий) — не результат неразумного процесса естественного отбора. В лучшем случае, естественный отбор выработал в нас стремление к размножению, да и оно, по определению, представляет собой чистый инстинкт (исключающий иные мотивы: любовь, верность, желание и т. п.).

Сэм Харрис много писал о присутствии человеку чувства добра и зла — возможно, больше, чем Докинз, Деннетт и Хитченс. В книге «Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей» он развивает тему истоков человеческой нравственности, которую поднял в своем первом бестселлере «Конец веры». В его работах исподволь признается неспособность эволюции (в целом) и естественного отбора (в частности) удовлетворительно объяснить наше нравственное чувство. В «Моральном ландшафте» Харрис разделяет научное и эволюционное объяснение человеческих ценностей. Любое обсуждение человеческого благополучия «не попадает ни в какой узкий дарвиновский расчет. В то время как возможности человеческого опыта должны быть связаны с мозгом, который построила для нас эволюция, наш мозг не был создан с прицелом на то, что с нами происходит сегодня»⁴⁴. Будь это так, нашей единственной заботой было бы продолжение рода. Но мы знаем, что наш разум «не просто подчиняется логике естественного отбора». «Наши представления о том, что является „хорошим“, а что „плохим“... не могут просто сводиться к инстинктивным побуждениям и эволюционным императивам... наши современные представления о смысле и морали перешагнули за барьеры, созданные эволюцией»⁴⁵.

На этом Харрис не останавливается. Действительно, очень может быть, что «нам присущ какой-то уровень хищнической жестокости», и что эволюция выбрала для нас в качестве стратегии распространения генов некий вид территориальной жестокости по отноше-

нию к другим, «однако наше коллективное благополучие явно зависит от нашей способности бороться с такими природными склонностями»⁴⁶. Эволюционные структуры нас больше не сдерживают; напротив, мы «в шаге от того», чтобы взять свое дальнейшее развитие в собственные руки⁴⁷.

Харрис утверждает, что этично вести себя по отношению к другим людям значит не быть равнодушными к их счастью и страданиям. Мы переживаем счастье и страдания и знаем, что другие тоже их переживают. «...вскоре мы понимаем, что „любовь“ — это в первую очередь желание, чтобы другие испытывали счастье, а не страдание; и, наконец, многие из нас начинают видеть, что любовь в большей мере способствует счастью — нашему и других людей, — чем ненависть»⁴⁸. «Любовь заставляет нас, хотя бы в какой-то мере, забыть о самих себе»⁴⁹. «Мы можем найти эволюционное объяснение тому, почему позитивные социальные эмоции вызывают у нас хорошее самочувствие, а негативные — плохое, но это нам ничего не даст. Для нас важно, что стремление принимать во внимание счастье других — то есть стремление жить нравственно — это рациональный путь к достижению своего собственного счастья»⁵⁰. «Мы привязаны друг к другу. Тот факт, что наши этические представления связаны с нашей биологией, не означает, что мы должны свести нравственные вопросы к биологическим»⁵¹. По мнению Харриса, проявления человеческой доброты и недоброты обусловлены естественными событиями; они «порождены бессознательными процессами, сформированными в процессе естественного отбора. Однако это не означает, что эволюция создала нас для того, чтобы мы жили в полном довольстве»⁵².

Докинз аналогичным образом утверждает, что естественный отбор следует понимать в контексте биологии жизни — того, каким образом вселенная приобрела теперешний вид. Однако «в том, что касается политики и устройства наших человеческих дел», мы должны быть «страстными антидарвинистами»⁵³. Только мы способны восстать против «тирании эгоистичных репликаторов» — того, что Докинз называет «эгоистичными генами», которые стремятся воспроизвести себя за счет других генов⁵⁴. «Нет никакой непоследовательности в том, чтобы как ученому оставаться сторонником дарвинизма и вместе с тем по-человечески быть его противником». Точно так же можно «изучать природу рака, занимаясь фундаментальной медициной, и вместе с тем бороться с раком, работая врачом». Люди — это «единственный остров, на котором можно

укрыться от зла, сулимого „капелланом дьявола“: от жестокости и от топорной, неуклюжей расточительности природы»⁵⁵. Только люди в процессе эволюции обрели способность понимать «жестокий, беспощадный процесс» естественного отбора, а также «дар отвращения к его последствиям, дар предвидения, совершенно чуждого неуклюжим кратковременным приемам естественного отбора»⁵⁶.

Между представлениями Докинза и Харриса о зле и их эволюционными взглядами существует противоречие. Оба атеиста считают дарвиновский естественный отбор процессом, благодаря которому вселенная развилась до своего нынешнего состояния. Хотя многое было приобретено ценой крови и страданий, естественный отбор привел к возникновению сложной, динамичной и величественной вселенной и, в частности, к эволюции человеческих существ. И все же в какой-то момент (где и когда?) человечество осознало необходимость противиться эволюции. Новые атеисты (по крайней мере, Докинз и Харрис) вторят словам Томаса Генри Гексли, сказанным более века назад: «Давайте раз и навсегда поймем, что этический прогресс общества достигается не подражанием космическим процессам и тем более не бегством от них, а борьбой с ними»⁵⁷. В трудах новых атеистов отсутствуют адекватные объяснения или подтверждения справедливости тезиса о том, что в результате эволюции мы обрели способность бороться с кормившей нас рукой. Не апеллируя к науке, фактам и аргументам, они делают шаг веры — прыжок в темноту, — ссылаясь на более высокий статус человека как на основание нравственности и борьбы со злом.

Аргументы Морица можно дополнить, поскольку еще более серьезная проблема связана с моральным реализмом новых атеистов. Для определенности давайте предположим, что эволюционное толкование естественного отбора соответствует действительности. Как в таком случае можно хотя бы понять, что зло представляет собой, не говоря уже о том, почему оно существует? Иначе говоря, если неотъемлемой частью естественного отбора является вымирание менее приспособленных видов (будь то от рук более приспособленных существ, по естественным причинам или в результате неспособности выжить своими силами), разве соперничество, кровопролитие и вражда не «естественны»? А если подобные страдания естественны, как мы — такие же продукты эволюции — можем называть их злом, да и вообще понять, что такое зло?⁵⁸

Джошуа Дантли и Дэвид Басс в своей статье «Эволюция зла» утверждают:

В формальной структуре эволюционной теории у зла нет прямой аналогии. Эволюция посредством естественного отбора происходит с помощью простого процесса дифференциального воспроизводства генов вследствие различий в наследуемом строении... процесс отбора ведет к эволюции адаптаций, существующих исключительно потому, что они прямо или косвенно повлияли на успешное воспроизводство своих носителей⁵⁹.

Таким образом, естественный отбор не связан никакими нравственными ценностями. «Эволюционируют любые качества, ведущие к повышению успеха воспроизводства»⁶⁰. Злом мы называем действия, которые «приводят к массовому переложению платы за приспособленность на другую особь или группу»⁶¹. Иначе говоря, в природе зло — не нравственная проблема, а всего лишь плата за приспособленность.

Пол Копан утверждает, что нравственные атеисты «делают гигантский шаг веры. Они верят, что нравственные ценности каким-то образом всегда были частью реальности, но со временем из бездушной и лишеной каких-либо ценностей слизи появились человеческие существа, обладающие правами, достоинством и обязанностями»⁶². В таком случае логика не позволяет атеистам ссылаться на какую-либо проблему зла. Они могут лишь повторить вслед за Докинзом, что «Вселенная, которую мы видим, обладает в точности теми качествами, каких и стоит ждать в том случае, если в ее основе нет ни замысла, ни цели, ни добра и ни зла, а только слепое, безжалостное равнодушие»⁶³. Если мы — всего лишь продукт эволюции, с какой стати нам доверять своим убеждениям? Откуда мы знаем, правы ли мы хоть в чем-нибудь?⁶⁴

По словам Копана, дело не в том, что мы различаем добро и зло, а в том, что мы — «личности, обладающие правами и ценностью»⁶⁵. Сторонники натуралистического нравственного реализма путают проблему знания и проблеме бытия. Для того, чтобы апеллировать к проблеме зла, нравственный атеист должен сначала представить метафизическое обоснование существования зла.

Склонность атеистов делать акцент на различии добра и зла, не представив метафизического обоснования, нетрудно проиллюстрировать с помощью статьи Роя Баумайстера и Кэтлин Вос, посвященной различиям в том, как злодеи и жертвы понимают так называемое

«зло»⁶⁶. Жертва считает человека, который причинил ей вред, злодеем, поскольку тот нарушил ее права или присвоил нечто, по справедливости принадлежавшее жертве. Если же взглянуть на ситуацию глазами злодея, может оказаться, что он считает свои действия добром. С точки зрения авторов, «это расхождение свидетельствует о важном пробеле в понимании. Мотивы злодея часто неясны жертве»⁶⁷. Нужно спрашивать не «Почему некоторые люди злы?» или «Почему люди делают зло?», а «Почему некоторые делают то, что другие сочтут злом?»⁶⁸ Вопрос о том, почему существует зло, «неправильно сформулирован», и «на него почти невозможно ответить, поскольку мало кто совершает поступки, которые сам же считает злом»⁶⁹.

Если проблема зла не опирается на прочное метафизическое основание, нравственный реализм новых атеистов превращается в нравственный субъективизм, а громогласные аргументы против Бога и религии — в едва слышный шепот. Как пишет Чэд Майстер, если зло объективно существует (на чем настаивают Докинз и Харрис), то «существуют и объективные нравственные ценности, нравственные ценности обязательные для всех»⁷⁰.

5. Заключение

Суть аргументации новых атеистов сводится к тому, что проблема зла — непроверяемый довод против существования Бога. А истоки этой проблемы они видят в религии. Сэм Харрис утверждает: «Даже если в прошлом религия, возможно, выполняла некую необходимую для нас функцию, не исключена возможность, что сейчас она является величайшим препятствием на пути к созданию глобальной цивилизации»⁷¹. Проблема зла занимает важное место в арсенале средств, с помощью которых новые атеисты борются с тем, в чем видят зло и иррациональность религии⁷².

В своей статье я не пытаюсь предложить окончательный и решающий аргумент против нового атеизма. Скорее, я хочу добавить еще одно опровержение правильности атеистического натурализма и, соответственно, доказательство состоятельности теизма (в частности, христианства). Краткое упоминание недавней статьи Джерри Уоллса довольно хорошо отражает суть моих умозаключений: проблема зла, долгое время бывшая излюбленным доводом атеистов против христианства, основана на допущении, что зло существует, и это проблема⁷³. Наши суждения и представления о зле «имеют смысл лишь при условии определенных убеждений относительно высшей реальности»⁷⁴.

Принимая во внимание дарвинистскую парадигму новых атеистов, у них действительно есть проблема со злом — они не могут сформулировать ни эпистемологию, ни метафизику зла.

Сноски

1. Я использовал термин «не-зло», поскольку атеисты, по всей видимости, едва ли могут настаивать на существовании «добра», как если бы оно само по себе было объективной реальностью. Вопрос о «добре» включается в более широкий вопрос о проблеме зла.
2. Copan, Paul. *Is God a Moral Monster? Making Sense of the Old Testament God* (Grand Rapids: Baker Books, 2011), p. 20.
3. В дальнейшем «дарвиновскую эволюцию» я буду называть просто «эволюцией». Во всех случаях, когда в этой статье встречается слово «эволюция», речь идет о «дарвиновской эволюции».
4. Докинз, Ричард. Бог как иллюзия (КоЛибри, 2015). Например: «Я же, как ученый, напротив, верю в факты (например, в эволюцию) не потому, что прочитал о них в священной книге, а потому, что изучал фактические доказательства... Мы [ученые] верим в эволюцию, потому что ее реальность подтверждается фактами».
5. Dennett, Daniel. *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life* (New York: Touchstone, 1996), 39.
6. Plantinga, Alvin. *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion, and Naturalism* (New York: Oxford University Press, 2011).
7. Там же, p. 48.
8. Там же, цит. по www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/darvin_proishozhdenie_vidov.pdf.
9. Dennett. *Darwin's Dangerous Idea*, p. 50-51.
10. Докинз, Ричард. Капеллан дьявола. Размышления о надежде, лжи, науке и любви (Corpus, 2014).
11. Там же.
12. Докинз. Бог как иллюзия. В этой же книге Докинз пишет: «Эволюция, происходящая под влиянием естественного отбора, создавая творения головокружительной сложности и изящества, очень убедительно производит впечатление присутствия разумного творца. Одним из примеров псевдозамысла служат нервные системы: даже наименее сложные из них порождают целенаправленное поведение, которое и у самой мелкой букашки больше сродни самонаводящейся ракете, чем просто летящей к мишени стреле». Язык Докинза явно подразумевает, что мир лишь выглядит так, словно был сотворен, но видимость не соответствует реальности - это не более чем «псевдозамысел».
13. Там же.
14. Докинз. Капеллан дьявола.
15. Там же.
16. Там же.
17. Докинз. Бог как иллюзия.
18. Там же.

19. Там же.
20. По крайней мере, с точки зрения Сэма Харриса, атеизм не означает бездуховную жизнь. В последней главе своей книги «Конец веры» он высказывается в пользу некоей разновидности мистицизма (Харрис, Сэм. Конец веры: Религия, террор и будущее разума [Эксмо, 2011]).
21. Не путать с одноименной книгой.
22. Докинз. Капеллан дьявола.
23. Там же.
24. Докинз. Бог как иллюзия.
25. Там же.
26. Там же. Докинз цитирует отклик Ричарда Суинберна на результаты «Великого модельного эксперимента». Он не указывает источник цитаты. Текст ответа Суинберна (*Response to a Statistical Study of the Effect of Petitionary Prayer*) можно найти на его университетской странице, URL: users.ox.ac.uk/~orie0087/framesetpdfs.shtml.
27. Harris, Sam. The God Fraud // *Foreign Policy* 177 (January/February 2010), p. 14.
28. Там же.
29. Харрис. Конец веры.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Harris, Sam; Kaplan, Jonas T; Curiel, Ashley; Bookheimer, Susan Y; Iacoboni, Marco; Cohen, Mark S. The Neural Correlates of Religious and Nonreligious Beliefs // *Plus One* 10.4 (October 2009), p. 3.
35. Харрис. Конец веры.
36. Там же.
37. Там же.
38. Moritz, Joshua. Evolutionary Evil and Dawkins' Black Box: Changing the Parameters of the Problem // Bennet, Gaymon et al. *The Evolution of Evil* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008), p. 146.
39. Дарвин, Чарльз. Воспоминания о развитии моего ума и характера // Сочинения (М.: Издательство АН СССР, 1959), 9:166-242.
40. Moritz. Evolutionary Evil and Dawkins' Black Box, p. 147 (курсив ориг.).
41. Meister, Chad. God, Evil, and Morality // Craig, William Lane; Meister, Chad V., eds. *God is Great, God is Good: Why Believing in God is Reasonable and Responsible* (Downers Grove, IL: Intervarsity Press, 2009), pp. 112-113. По словам Докинза, «На первый взгляд может показаться, что дарвиновская идея об эволюции, происходящей на основе естественного отбора, вряд ли подходит для объяснения высоких нравственных качеств, морали, приличий, сопереживания и сочувствия» (Бог как иллюзия). Тем не менее, Докинз пытается объяснить, каким образом, благодаря «эгоистичному гену», мы обрели мораль. Но Джошуа Моритц справедливо указывает, что Докинз и его единомышленники исходят из геноцентричного понимания биологической эволюции, признавая «приоритет и достаточность одного естественного отбора» для эволюционного процесса (Moritz, p. 144). Моритц называет четырех современных специалистов в области молекулярной биологии, которые предложили более полное описание эволюционного процесса, не прибегая к геноцентричному подходу.
42. Харрис. Конец веры.
43. Там же.
44. Харрис, Сэм. Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей (Карьера Пресс, 2015).
45. Там же.
46. Там же (прямой перевод с английского).
47. Там же (прямой перевод с английского).
48. Харрис. Конец веры.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же.
52. Харрис. Моральный ландшафт.
53. Докинз. Капеллан дьявола.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. Paradis, James; Williams, George C., ed. *Evolution and Ethics: T. H. Huxley's Evolution and Ethics with New Essays on Its Victorian and Sociobiological Context* (Princeton: Princeton University Press, 1989), p. 141.
58. Моритц задает точный вопрос: «В чем конкретно заключается стоящая перед нами дилемма? Природа разрушает природу — почему это проблема Бога?» (Moritz, p. 147).
59. Duntley, Joshua; Buss, David. The Evolution of Evil // Miller, Arthur G., ed. *The Social Psychology of Good and Evil* (New York: Guilford, 2004), p. 103.
60. Там же, p. 103.
61. Там же, p. 104.
62. Соран. *Is God a Moral Monster?* p. 210.
63. Докинз, Ричард. Река, выходящая из Эдема.
64. Соран. *Is God a Moral Monster?* pp. 212-213.
65. Там же, p. 210-211.
66. Baumeister, Roy F; Vohs, Kathleen D. Four Roots of Evil // Miller, Arthur G., ed. *The Social Psychology of Good and Evil* (New York: Guilford, 2004), p. 85.
67. Baumeister, Vohs. Four Roots of Evil, p. 88.
68. Там же, pp. 90-91.
69. Там же, p. 99.
70. Meister. God, Evil, and Morality, p. 109.
71. Harris, Sam. *Letter to a Christian Nation* (New York: Knopf, 2006), p. 91.
72. Walls, Jerry. Atheists Have No Problem of Evil, But They Have a Bigger One // *The City* (Winter 2015), p. 49.
73. Там же, p. 49.
74. Там же, p. 50.

Оригинальный текст статьи был опубликован в журнале *Themelios* (Volume 42, Issue 2) и доступен онлайн на сайте themelios.thegospelcoalition.org/

МОДНЫЙ ОККУЛЬТИЗМ

Мария Карлсон

Философ и композитор Александр Скрябин (1872-1915) был заметной фигурой в русской культуре конца XIX — начала XX веков. Пытаясь понять трансцендентную суть «Серебряного века» России и влияние, которое он оказал на Скрябина, Центр изучения России и Восточной Европы совместно с Университетским музыкальным обществом на протяжении месяца организовывал разнообразную культурную программу под названием «Апокалипсис сейчас? Скрябин и русская культура в конце столетия». Программа включала в себя лекции, вокальные и инструментальные концерты, а также краткий междисциплинарный учебный курс. Текст настоящей статьи основан на докладе, представленном на симпозиуме, прошедшем 23 января 2000 года.

В годы, предшествовавшие социальному, культурному и политическому взрыву революции 1917 года, русский композитор Александр Скрябин (1872-1915) подталкивал русскую музыкальную традицию, опирающуюся в то время на авторитет Глинки, Чайковского, Бородина и Мусоргского, в направлении мистики и символизма. Его увлечение теософией — эклектическим, мистико-философским учением, которое было популярным в Европе и Америке в последней четверти XIX века, отразилось на его сонатах, симфониях, «Поэме экстаза» (1907) и «Поэме огня» (1910), а также на коротких фортепианных сочинениях. Знание теософии может значительно углубить наше понимание музыки Скрябина, его творческих порывов и его желания преобразить мир посредством искусства.

Настроения в России на грани веков

Кажущаяся противоречивость характера самого Скрябина¹ отразилась на русской культуре конца XIX века, движущейся к распаду и гибели. В начале XX столетия многим, вероятно, казалось, что два разных мира пытаются ужиться в одном и том же пространстве.



Александр Скрябин

Одним из них был «внешний» мир растущей буржуазной прослойки, расцвета популярной культуры, позитивизма и материализма. Это был солнечный, рациональный, научный мир Макса Планка и квантовой механики, Конрада Рентгена и рентгеновских лучей, Альберта Эйнштейна и теории относительности (1905), а также изобретения кинематографа, автомобиля, самолета и велосипеда.

Но был и другой мир, «внутренний», более мрачный и более загадочный. Мир Фридриха Ницше и странной философии вечного возвращения, Рихарда Вагнера и мифопоэтической драмы, французских проклятых поэтов, художников, рисовавших пейзажи сознания, мадам Блаватской и теософии, Алана Кардека и спиритизма, Фрейда, Юнга и новой «психической науки».

Физическая реальность этого дуалистического мира была образована развивающейся промышленностью, грязными заводами, мрачными рабочими и видимой опасностью

вульгарности и посредственности растущего среднего класса. Власть Церкви над душами и умами людей слабела, усиливались атеистические настроения, и на этом фоне целостный жизненный уклад, казалось, исчезал. Число самоубийц и наркоманов росло, нравственность падала. В этом мире господствовали проституция, антисемитизм, жестокая нищета и эпидемии. Повсюду царило ощущение близкого конца цивилизации, в результате которого деградировавшая Европа (в том числе и Россия) будет сметена социализмом, наступление машин или варварами с Востока (т. н. «желтая опасность» — иррациональный страх перед новым монгольским завоеванием). В политическом отношении это тоже был период упадка: обреченная династия Романовых сама толкала себя к гибели, шла война на Востоке (русско-японская война 1905-1906 годов), революция 1905 года повлекла за собой крестьянские бунты, крупные забастовки на почте, телефонных станциях, железной дороге и заводах. Теперь мы знаем, что вскоре все это с грохотом рухнет: мировая война, революция, гражданская война. Мир уже никогда не станет прежним.

Все эти проблемы порождали психологическую проблему, получившую название *mal du siècle* (фр. «болезнь столетия»), в результате которой элита общества и прочие чувствительные натуры пытались бежать от реальности в некую альтернативную вселенную, в которой дух человека по-прежнему ценился превыше всего. Конечно, живопись, музыка и литература позволяют мгновенно отвлечься от повседневности, материализма, «прогресса» (что бы это слово ни означало), посредственности и скуки.

В маленьком замкнутом мирке русской интеллигенции, к которому принадлежал Скрябин, люди отчаянно пытались спастись от упадка прежних культурных ценностей, от неминуемого кризиса культуры и сознания, преодолеть ширящуюся пропасть между наукой и религией, разумом и верой. По иронии обстоятельств, именно эти психологические и философские проблемы стали началом мощного расцвета всех искусств в культурной жизни Российской империи в начале XX столетия.

Повальное увлечение оккультизмом

Люди по-разному реагируют на крайние, даже катастрофические изменения в своем физическом, интеллектуальном и психологическом окружении. Многие представители высших слоев среднего класса и интеллигенции занялись интенсивными духовными поисками, которые уводили их в нетрадиционных

направлениях — к ортодоксальной и неортодоксальной религиозной философии, умозрительной мистике, всевозможным оккультным и эзотерическим учениям.

Особенно модным увлечением в то время был оккультизм, принимавший поразительное многообразие форм. Любой образованный читатель, если он не был совершенным затворником, был хотя бы шапочно знаком со спиритизмом и теософией, но были еще розенкрейцеры, масоны, мартинисты, герметисты и, конечно же, такие «обычные» или «уличные» разновидности мистики, как снохождение, хиромантия, карты Таро, френология, месмеризм, астрология, хрустальные шары и толкование снов. Горожане посещали публичные и частные сеансы гаданий и гипноза, лекции известных индийских йогов. Люди знали о подобных вещах, даже если эти сведения были почерпнуты из салонных бесед или сенсационных газетных публикаций.

Оккультизм был в моде на границе столетий, но со временем, как это всегда бывает, ему на смену пришли другие увлечения, потом третьи, благодаря чему «оккультные» аспекты Серебряного века, вероятно, не удостоились со стороны историков должного внимания. То, что сегодня кажется нам эксцентричным и эзотерическим, не всегда было таковым. Российские читатели и критики в самом начале века без особого труда различали — пусть даже поверхностно — оккультные идеи, образы и выражения в картинах, книгах и прочих произведениях культуры Серебряного века. Философские искания оставили отпечаток на всех сторонах жизни таких творческих и прогрессивных людей, как Скрябин, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Николай Рерих, Василий Кандинский. Закрывать глаза на этот аспект их творчества — все равно, что пытаться понять средневековое искусство, ничего не зная о христианстве.

Теософия и русская интеллигенция

Хотя спиритизм — как во французской, мистической разновидности, так и в англо-американском псевдонаучном варианте — был, конечно, самым популярным из оккультных движений, владевших умами россиян в конце XIX столетия, именно теософия глубже всего укоренилась в сознании ряда влиятельных представителей русской творческой интеллигенции. Их отношение к теософии было довольно сложным и вовсе не сводилось к наивному увлечению этими идеями в ответ на культурный и духовный кризис XIX века. Они

относились к изучению теософии серьезно, рассматривая ее как одну из полноправных сторон в более широком и довольно хаотичном диалоге о культуре, религии и философии, характерном для того времени.

Творческая интеллигенция быстро распознала не только религиозно-философские стороны теософии, но и мифические, поэтические и эстетические следствия, вытекающие из нее, и откликнулась на них. Это в особенности относится к писателям и художникам, представителям русского символизма, которые черпали вдохновение из теософии и даже использовали ее синкретическое учение и космогенетические представления для оправдания собственных представлений о том, что истинное искусство — это религиозное творчество, а истинный художник — это первосвященник, находящийся в соприкосновении с божественной реальностью.

Свою теорию о том, что музыкальная композиция представляет собой теургический акт, акт магического, даже божественного творения, Скрябин основывал непосредственно на теософском учении. Его привлекали теософское понятие теургии (акта божественного творения), представления о заклинаниях и ритме как о глубоко «магическом» искусстве, соборность как мистическое переживание, искусство как форма религиозного выражения, синтез материи и духа. Все эти идеи занимают важное место и в теософии.

Подобно другим интеллектуальным движениям начала XX века, русская теософия явно была отражением апокалиптических настроений того времени. Некоторые аспекты этого учения повлияли на эсхатологические опасения и ожидания русского Серебряного века. Теософские идеи о всемирной катастрофе, очистительном уничтожении, страдании и создании новой, высшей культуры, в которой Россия будет играть ведущую роль, представляли собой вариации все той же мессианской темы, одинаково близкой как русским богоискателям (идеалистам), так и русским богостроителям (рационалистам).

Многие представители интеллигенции, в особенности среди модернистов из числа писателей и религиозных мыслителей, находили общий язык с теософами еще и потому, что их собственные представления о религии тяготели к нетрадиционным идеям. Как и теософы, они интересовались древними культами и мистериями, сектантством, гностицизмом, восточными религиями и историей религиозной мысли. Подобные взгляды время от времени озвучивались на заседаниях различных рели-

гиозно-философских обществ, возникших в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и других городах Российской империи.

Что такое теософия?

Итак, теософия была важна для этой группы представителей творческой интеллигенции, но что она собой представляла? В широком смысле слово «теософия» имеет греческое происхождение (*theo-sophia*, т. е. божественная мудрость) и означает «мудрость Бога». Так называли различные системы мистического знания, воплощенные в буддизме, неоплатонизме, религиозных мистериях и умозрительных теориях таких философов, как Якоб Бёме (1575 — 1624), Эммануил Сведенборг (1688 — 1772) и Владимира Соловьева (1953 — 1900).

В узком же смысле теософией называется псевдо-религиозное движение, основанное 17 ноября 1875 года в Нью-Йорке эксцентричной русской эмигранткой Еленой Петровной Блаватской (1831 — 1891). С помощью своего друга-спиритиста полковника Генри Олкотта (1832 — 1907) эта гениальная женщина (или гениальная мошенница, по мнению других) создала Теософическое Общество, организацию, штаб-квартира которой в течение 25 лет находилась в Индии, в г. Адьяре, и которая насчитывала десятки тысяч последователей по всему миру. Вскоре теософия проникла в Россию и приобрела множество сторонников среди представителей среднего класса, интеллигенции и аристократии.

Явная цель Теософического общества, записанная в его уставе, состояла в том, чтобы основать ядро всемирного человеческого братства без различия расы, цвета кожи, веры или касты. Многие теософы жили в соответствии со своими убеждениями: не пили спиртного и не употребляли в пищу мяса, бесплатно кормили голодных, стояли у истоков системы Монтессори, поддерживали работающих женщин, помогали малоимущим и учили эсперанто, чтобы общаться с единомышленниками в других странах.

Вторичные цели общества включали в себя поддержку сравнительного изучения религий, философий и научных дисциплин, пропаганду важности подобных исследований, изучение необъясненных законов природы и скрытых возможностей человеческого сознания. Маленькая Эзотерическая секция общества собиралась с целью изучения более сложных, теургических мистерий теософии, которые были предназначены не для всех, а только для наиболее «духовно продвинутых».

Теософы описывают свое учение как синкретическую, мистическую религиозно-философскую систему, «синтез науки, религии и философии», якобы основанную на древней эзотерической традиции, которую г-жа Блаватская называла «Тайной доктриной» или «Религией мудрости». Путем «сравнительной эзотерики» (изучения всех мировых религий и оккультных учений прошлого) теософия Блаватской якобы выделила всеобщее материнское учение, которое нестареющие адепты тысячи лет ревностно укрывали от взоров непосвященных. Г-ж Блаватская называла этих адептов «махатмами» или «учителями».

Эти древние мудрецы, по ее словам, обитают где-то в Гималаях и по естественным причинам мало контактируют с человечеством. Однако в последнюю четверть XIX века эта «Белая Ложа, Иерархия Адептов, которые следят за эволюцией человечества и направляют её», решила, что настало время постепенно открыть некоторые сокровенные истины человечеству, используя для этого некие избранные сосуды². Первым таким избранным сосудом оказалась сама г-жа Блаватская. Свою религию мудрости она изложила в двух пространных теософских текстах: «Разоблачённая Изида» (1877) и «Тайная доктрина» (1888), — причем утверждала, что эти столпы теософской мысли были «продиктованы» ей махатмами, с которыми она находилась в непосредственном телепатическом общении.

Тексты, в которых г-жа Блаватская изложила свою «Тайную доктрину», отличались эклектизмом, синкретичностью, сильной склонностью к многобожью, были насквозь пропитаны буддийской философией и терминологией и содержали немало ложных аналогий. Соединяя в единое, временами невзыскательное философское поурри части и обрывки неоплатонизма, брахманизма, буддизма, каббалы, гностицизма, розенкрейцерства, герметизма и прочих оккультных учений прошлого и настоящего, г-жа Блаватская пыталась создать «научную» религию, современный гнозис, основанный не на вере, а на абсолютном знании духовных вещей. Это была попытка преодолеть видимую пропасть между наукой и религией, рассудком и верой.

Однако за необуддистской оболочкой теософии скрывается, по существу, иудео-христианская этика, смягченная духовным дарвинизмом (выживание не наиболее приспособленных организмов, а тех, чей дух «наиболее приспособлен»). Теософию можно описать как попытку замаскировать позитивизм под религию — попытку, которая в конце XIX

века имела не меньший успех, чем сегодня (учитывая, как сильно было в то время эмоциональное напряжение, вызванное видимо неразрешимым конфликтом науки и религии). И теософия г-жи Блаватской предложила человеку XIX столетия альтернативу материализму, рационализму и позитивизму, которые господствовали в ту эпоху.

Хотя Теософическое общество было создано в Нью-Йорке в 1875 году и переживало бурный рост во всем мире (несмотря на многочисленные скандалы и разоблачения, вызванные его ярким появлением), Российское теософическое общество было официально зарегистрировано в Санкт-Петербурге лишь 30 сентября 1908 года (по старому стилю) после вынужденных общественных реформ, обусловленных революцией 1905 года. Тем не менее, теософия существовала в России задолго до официальной регистрации общества, поскольку российские граждане, выезжая за рубеж, часто становились членами национальных отделений общества в Англии, Бельгии, Германии и Франции. Скрябин, например, стал членом бельгийской ложи. Большинство российских теософов принадлежало к английскому и германскому отделениям. Есть документальные подтверждения того, что частные теософские кружки действовали в крупных российских городах с начала 1890-х, а теософские тексты ходили по рукам в английских, немецких и французских изданиях, а также в рукописных копиях.

Широкая известность скандалов, связанных с именем г-жи Блаватской, и ее экзотические истории о махатмах на протяжении много лет создавали теософии репутацию безумного и маргинального учения и мешали людям увидеть, что в теософии существует сложная космология, которая пытается объяснить Бога, Вселенную и Человека. Теософское учение представляло собой современную разновидность монизма, эманационизма и пантеизма. Соответственно, оно видело источник всего сущего в эманациях единого неопишуемого и непознаваемого Божества. Божество излучает эманации и творит Вселенную. Поскольку Вселенная «развертывается» из Божества, Бог присутствует везде и есть все (пантеизм). В конце времен все сущее «свернется» обратно в Божество. Это «выдох» и «вдох» Брахмы. Процесс циклически повторяется бесконечно.

Человеческая душа, как и эманация этой единой реальности Божества, проходит через огромное количество жизней — сначала сверху вниз, из духа в материю, а потом вверх, из материи в дух. Каждое воплощение определяется кармой, накопленной в результате

хороших или дурных поступков. В конце XIX века г-а Блаватская объявила, что нынешняя эпоха человеческой истории знаменует собой поворотный пункт, когда нисхождение человечества в материю должно обратиться вспять. Просветленные люди, опираясь на откровения теософского учения, готовы приступить к восхождению в мир духа, готовы свернуться в божество, стать богом.

Если мы хотим понять творческих людей, движимых умозрительной мистикой, нам необходимо иметь достаточное представление о теософии, чтобы определить, соприкасался ли интересующий нас человек с теософией, и каким образом в его произведениях или работах могли отразиться теософские представления о мире или ключевые теософские образы. Например, если говорить о Кандинском и Пите Мондриане, которые читали красочные описания жизни на высших планах бытия и в разных формах чистой материи, вышедшие из-под пера Анни Безант, Чарльза Ледбитера и Рудольфа Штайнера, их абстрактное искусство явно было порождено стремлением изобразить духовные и парапсихические реалии, а не простой скукой от предметно-изобразительного искусства или переживанием отчуждающего ангста (хотя эти причины тоже могли присоединиться впоследствии и, вероятно, усугубились последующей утратой духовности, которой пыталось избежать первое поколение абстракционистов).

Эту интересную мысль — что абстрактное искусство, возможно, появилось, благодаря желанию изобразить духовные и парапсихические реальности, нарисовать, так сказать, четвертое измерение, — можно распространить и на современную литературу. Созвучие между абстрактными картинами Кандинского, модернистскими романами Андрея Белого и сочинениями Скрябина наводит на определенные соображения. Все названные люди были весьма творческими личностями, получили хорошее академическое образование и серьезно интересовались теософией. Белый был поглощен как ее эстетикой, так и философией; Кандинский был более избирателен; Скрябин же отдался ей всею душой — даже понятие «экстаза», ставшее ключевым для его мировоззрения и творческой философии, он объяснял как «видение на высших планах природы».

В работах всех троих деятелей искусства отражено понимание модерна, основанное на сверхчувственном восприятии высшей реальности, на изображении того, что происходит за пределами плана грубой материи, где духовные «формы» совершенно не обязательно напоминают формы физической материи, присутству-

ющие в нашем мире. Их произведения устремлены в интеллектуальное и духовное измерение, которое носит одновременно личный и всеобщий характер. Как и теософы, эти люди срывали «верхние одежды» своей исторической эпохи и отбрасывали собственную личность, чтобы достичь вечного и духовного в искусстве.

Такое объяснение слишком абстрактно. Я бы хотела привести конкретный пример того, как определенная теософская идея могла повлиять на русского деятеля искусства Серебряного века. Среди теософских сочинений наибольший интерес у многих европейских и российских творческих людей вызвала книга г-жи Безант и Чарльза Ледбитера «Мыслеформы»³. Эта интересная брошюрка была посвящена мистике форм, цвета и вибраций, а также использованию цвета и абстрактных форм для представления проекции эмоций, мыслей и ощущений на астральный план. Астральный план — второй из семи уровней бытия. Большинство людей проводит жизнь в грубой ткани физического, материального плана, даже не подозревая о существовании астрального, ментального, интуитивного, духовного, монадического и, наконец, божественного планов. Эти семь планов бытия, как сообщает нам г-жа Безант, представляют собой сферы, «концентрически взаимно проникающие одна другую, разделенные между собой не расстоянием, а разницей в построении атомов»⁴. На самом деле они существуют одновременно, занимают одно и то же пространство и представляют собой разные измерения или состояния материи и сознания. Средний человек их не видит, однако душевнобольные, пребывающие во сне или духовно тренированные люди способны войти с ними в контакт.

На астральном плане мысли и чувства могут стать осязаемыми; они могут обрести форму. Чтобы понять это, нужно на несколько градусов отклонить привычное течение наших рассуждений. Материалисты утверждают, что мысли — это результат химических реакций в мозгу, что их порождает материя (синаптические импульсы), но оккультисты все вывернули наизнанку: по их словам, именно мысли порождают материю.

Г-жа Безант называла эти силы, результат «усиленной и разумной концентрации» воли, «мыслеформами». Мыслеформы — это ментальная проекция, мысль или идея слишком тонкая, чтобы ее можно было увидеть в грубой физической материи, но обретающая видимость в чистой астральной материи. В книге приведены изображения таких мыслеформ: геометрические фигуры, звезды, облака тумана и

даже нечто вроде примитивной компьютерной графики, — все они сильно напоминают последующее абстрактное искусство.

По словам г-жи Безант, конкретная структура мыслеформ определяется вибрациями астральной материи (элементальной сущности). В качестве примера она ссылается на то, что песок, рассыпанный по поверхности, в результате звуковых вибраций образует упорядоченный рисунок. Конечно, вибрации в астральной материи порождают астральный звук и астральную форму. Перемещаясь по астральному пространству, они сталкиваются с другими мыслеформами, порождая дополнительные вибрации. Может быть, это музыка сфер, или звенящий космос, или симфония, или поэма.

Так или иначе, очертания этих мыслеформ непостоянны и легко меняются. Принимая некий вид, мыслеформы также окрашиваются в определенный цвет, зависящий от породившей их эмоции или мысли. Таким образом, разные цвета соответствуют разным эмоциям, разным вибрациям (звукам) и разным очертаниям.

Хорошим примером может послужить роман Белого «Петербург», опубликованный в 1912 году, вскоре после Скрябинской «Поэмы огня». «Астральное существо может изменить весь свой вид с самой поражающей быстротой, — объясняет г-жа Безант, — потому что



астральная материя принимает новую форму под влиянием каждого воздействия мысли»⁵. И это одна из причин, по которым в «Петербурге» персонажи постоянно превращаются в других людей (семитский монгол — студент Липенский — Липпанченко — Маврокордато; Шишнарфиев — Шишнарфне — Энфраншиш; Воронков — Морковин; Медный Всадник — голландец — моряк — Медный Гость), метафоры воплощаются в реальность, туфли и обои оживают, а чемоданы меняют форму. Все это — астральные сущности, постоянно меняющиеся под действием мыслей русских людей. Обретая бытие, эти мыслеформы могут оказывать влияние на события и людей на физическом плане.

То же самое можно сказать и о цветах. В цветовой палитре «Петербурга» доминируют теософские цвета: например, ярко-желтый цвет чистого разума ассоциируется с абстрактно-интеллектуальным сенатором Аблеуховым и его домом; зеленые воды Невы символизируют эгоизм и обман, которыми пропитан город. Красный гнев, серая злоба, черная ненависть — у всего этого в романе есть свой шифр.

Эти цветовые коды отнюдь не случайны. Теософские цветовые схемы уже были описаны в «Древней мудрости» г-жи Безант, но в «Мыслеформах» они были проиллюстрированы в ярких теософских оттенках. Брошюра «Мыслеформы» была широко доступна, активно рекламировалась, и ее внимательно читали представители авангардного искусства.

То, каким образом звук и цвет использовал Скрябин (вспомнить, например, его знаменитый «световой орган», который должен был сопровождать исполнение некоторых музыкальных произведений), имеет большое сходство с «цветовой аранжировкой» романа Белого. В кругах, в которых вращался композитор, его интерес к теософии совершенное не воспринимался как нечто эксцентричное. Его интерес был отражением духовного кризиса, кризиса культуры и сознания. Этот факт вкупе с более глубоким и правильным пониманием эпохи интенсивных духовных исканий, в которую жил Скрябин, поможет нам лучше разобраться в его стремлениях и его творениях.

Сноски

1. «Мечтатель со склонностью к мистике, мегаломан, с совершенной уверенностью говоривший о своей божественности, но при этом, с другой стороны, рационалист, искавший в музыке схему, геометрию, гармонию математического характера» (Sabaneyeff, Leonid. *Modern Russian Composers* [1927], p. 40).
2. Безант, Анни. Древняя мудрость. Перевод Е. Писаревой.
3. Безант, Анни; Ледбитер, Чарлз. Мыслеформы.
4. Безант. Древняя мудрость.
5. Безант. Древняя мудрость.

Мария Карлсон — директор Центра изучения России и Восточной Европы, профессор славянских языков и славянской литературы Канзасского университета, автор нескольких книг и целого ряда статей, посвященных философии, культуре и оккультным движениям в России.

Оригинальный текст статьи был опубликован в журнале *Journal of International Institute* (Volume 7, Issue 3, Summer 2000) и доступен на сайте quod.lib.umich.edu

ВИДЕТЬ НЕВИДИМОЕ: ПРИРОДА ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ

Грег Коукл

Иногда, если знать, что ищешь, можно «узреть» незримое и таким образом увидеть невиданное. Это не салонный фокус, а ценный духовный навык. И сделать это не так уж трудно, если знать, на какие подсказки следует обращать внимание. И я хочу показать вам, что это за подсказки.

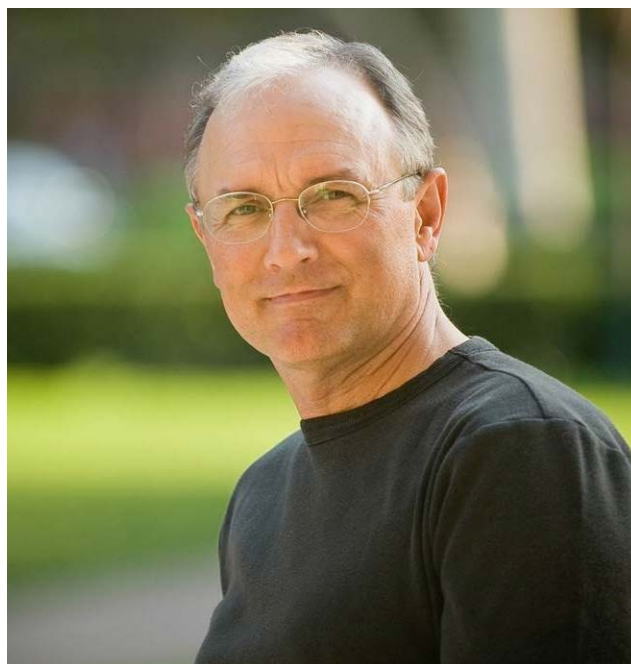
Но сначала об одном принципиальном моменте. Я убежден, что большинство христиан ничего не понимает в духовной войне. Либо они вообще не подозревают об идущем незримом сражении, либо, даже признавая важность происходящего, сосредотачивают свои усилия не на главной проблеме, отвлекаясь на второстепенные моменты. Выражаясь военным языком, попадают на обманный маневр. И вот в чем суть этой ошибки.

Некоторые христиане воображают, будто духовная война представляет собой противостояние с дьяволом (или бесами), а молитвы определенного вида — главное оружие, с помощью которого можно победить или по крайней мере нейтрализовать («связать») силы тьмы. Любопытно, что Иисус никогда ни о чем подобном не говорил. Он учил нас не молиться нечистым силам, а просить Отца «избавить нас от лукавого» (Мф. 6:13)¹.

Я вовсе не хочу преуменьшить важность молитвы в любой сфере христианской жизни — и менее всего в этой, — но лишь пытаюсь привлечь ваше внимание к одному моменту, о котором вы, возможно, до сих пор не задумывались. Когда речь заходит о духовной войне, Новый Завет делает упор не на молитвенном противостоянии, а на чем-то совершенно ином, и я считаю, что мы упустим самую суть, если мы не поймем этого.

Невидимое поле брани

Мы живем в мире, сотворенном невидимым Существом, и в этом мире есть множество невидимых вещей. В каком-то смысле, они по-



Грег Коукл

стоянно присутствуют «кругом», но многие их не замечают, потому что зримый и осязаемый мир впечатляет нас гораздо больше.

Во 2 Царств 6:15-17 слуга пророка Елисея увидел в материальном мире нечто поразительное — сирийскую армию, окружившую город конями и колесницами. «Увы! — воскликнул он, — господин мой, что нам делать?»

Елисей, напротив, нисколько не обеспокоился. Заглянув в невидимый мир, он увидел нечто большее, чем его слуга:

Не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея.

Елисей видел то, что было сокрыто от его слуги: окружившие город враги сами были

окружены превосходящими невидимыми силами, готовыми вступить в бой ради защиты пророка. Он видел невидимое.

Конечно, обычным человеческим зрением слуга не мог увидеть то же самое. Ему нужна была помощь. И сегодня на помощь христианам приходят новозаветные тексты, подробно рассказывающие о том мире, который был доступен Елисею. Против нас тоже стоит незримая армия, и иногда, если мы настроже, мы можем заметить ее маневры.

Я бы хотел, чтобы вы вдумались в текст одного хорошо знакомого библейского отрывка. В нем есть мысль, на которую раньше вы, возможно, не обращали внимания. Вот его текст:

Наденьте Божьи доспехи — тогда вы сможете устоять перед кознями дьявола. Потому что мы ведем бой не с людьми из плоти и крови, а с Началами, с Властями, со вселенскими повелителями этого мира тьмы, с духовными силами зла в небесном мире. И поэтому наденьте Божьи доспехи, чтобы у вас хватило сил противостоять им в черный день и выстоять, все преодолев. Так стойте непоколебимо, опоясав себя истиной и облекшись в панцирь праведности. Пусть обувью вашей будет готовность нести Радостную Весть о мире. И кроме того, крепко держите в руках щит веры — им вы погасите все раскаленные стрелы Врага. Возьмите еще шлем спасения и меч Духа, то есть Слово Бога (Еф. 6:11-13 РБО).

В этом отрывке Павел объясняет нам, что мы находимся в состоянии войны. Он признает реальность противодействия со стороны видимого мира («из плоти и крови»), но утверждает, что настоящее сражение происходит на более глубоком уровне, в мире невидимом («в небесном мире»). Но это вам уже известно.

А вот, чего вы, возможно, раньше не замечали. Павел сообщает, что враг действует в соответствии с определенной стратегией, которую апостол называет «кознями», — это своего рода план сражения, в соответствии с которым совершаются сатанинские маневры. Облекшись в правильные доспехи, мы сможем «устоять» перед замыслами лукавого, не поддавшись на его хитрости и уловки.

Известно ли нам что-нибудь об этих коварных замыслах? Думаю, известно.

Оружие номер один

Давайте рассмотрим четыре стиха, которые складываются в отрезвляющую картину,

позволяющую увидеть направление главного удара сатаны в идущем духовном сражении.

Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5:19).

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную... (Отк. 12:9).

Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого (2 Кор. 4:3-4).

...Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю (2 Тим. 2:24-26).

Возможно, вам не приходило в голову, насколько абсолютна власть врага над человеческим разумом, однако процитированные выше стихи не оставляют никаких сомнений. Согласно Новому Завету, весь мир находится в смертельных объятьях сатаны. Он подчиняет людей своей воле с помощью хитрости и обмана, ослепляя умы погибающих, не позволяя им прийти в себя и увидеть мир таким, какой он на самом деле.

Иисус предупреждал, что сатана — «лжец и отец лжи» (Ин. 8:44), и что даже христиане не находятся в полной безопасности от его уловок. Когда мы стали христианами, конечно, Бог вложил в нас новое сердце, однако наш разум все еще полон сатанинскими глупостями — той ложью, в которую мы легко верили. Павел говорит, что прежде мы были «заблудшими» и «рабами похотей» (Титу 3:3), что мы «жили по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф. 2:2).

В таком случае, чтобы избавиться от этой власти, прежде всего необходимо повернуть этот процесс вспять. Мы должны «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины», а также, «отвергнув ложь, говорить истину каждый ближнему своему» (Еф. 4:22-25). Вы уже поняли, к чему я веду?



Питер Брейгель Старший. Притча о слепых (1568). Холст, темпера. Музей Каподимонте, Неаполь

В свете всего услышанного неудивительно, что, готовясь к сражению с лукавым, мы в первую очередь должны «опоясать себя истиной» (Еф. 6:14 РБО). И, вступив в бой, мы ведем его «не обычным оружием, а оружием Божественной мощи — оно сокрушает твердыни». Мы всей силой обрушиваемся на сатанинскую ложь и начисто истребляем ее, «сокрушаем хитросплетения ума и высокомерие, восстающие против познания Бога» (2 Кор. 10:3-5).

Обратите внимание: в процитированных текстах нет ни слова о «связывании и разрешении». Нет ни малейшего намека на духовный рестлинг.

Библейское откровение ведет нас в совершенно другом направлении. В одной своей статье я писал: «[Сатана] побеждает хитростью и скрытностью, он сокрушает противников с помощью лжи, клеветы, обольщения и ловких приемов. Если вы сомневаетесь в его способностях, берегитесь. Его оружие — незаметность. Сатана сознательно держится в тени, где его темные делишки трудно заметить»².

Таким образом, главное оружие в арсенале врага, позволяющее ему одерживать победы в духовной войне, — не сила, а хитрость. И поскольку стратегия, которой он следует в своих атаках, сводится к распространению лжи, самое мощное оружие, которое мы можем использовать в сражении с ним, прямо противоположно: распространение истины. Истина — это единственный способ противостоять лжи, достойный ответ на заблуждения, антидот против об-

мана. Следовательно, духовная война — это не силовое противоборство, а борьба за истину³.

Видеть невидимое

Итак, мы находимся в состоянии войны. Мы сражаемся в невидимом мире с силами, не принадлежащими нашему миру, используя для этого оружие, способное противостоять духовным замыслам и бесовским козням, которые обрушиваются на нас. Наша задача — разрушать эти коварные планы, раскрывая их. Всеми силами удерживать свои позиции, противопоставляя лжи истину.

Однако следует взглянуть на ситуацию под еще одним углом, чтобы не упустить важный момент — ключ, который позволяет нам разоблачать тайные замыслы.

Зрячий человек едва ли упадет в яму, даже неглубокую. Он ее обойдет. Слепой же, напротив, легко может шагнуть с обрыва в самую глубокую и страшную пропасть, потому что не подозревает о ее существовании. Аналогичным образом, сатана может подбросить миру какую-нибудь большую ложь — настолько очевидную, что думающий христианин без особого труда ее распознает. Однако мир в целом ничего не заметит, потому что неспособен видеть. Люди ослеплены.

Это и есть ключ, «подсказка», которая раскрывает замысел лукавого и позволяет нам подготовить контрудар. Ищите чудовищную духовную ложь, которая кажется совершенно

очевидной, простой ход, который представляется до нелепого неуклюжим, огромную яму, которую нельзя не заметить, но которую мир в упор не видит, — пропасть, в которую слепые люди без колебаний шагают один за другим. Если найдете ее, сможете определить направление сатанинской атаки.

Если вы спрашиваете себя, как можно попасться в столь явную духовную ловушку, если вас ошеломляет легковёрность большинства людей, если вы ловите себя на неотступной мысли: «Это бессмыслица какая-то», — возможно, вы наткнулись на сатанинский план. Вы раскрыли его военную хитрость, потому что объяснить столь явную неспособность к трезвому суждению в духовных вопросах можно лишь духовной слепотой, а мы уже знаем, чьи это рук дело.

Позвольте привести пару примеров.

Два коварных плана лукавого

Первый план воплощается в жизнь уже давно, но люди по-прежнему ведутся на обман, несмотря на его явную абсурдность. За минувшие годы эта ложь претерпела ряд трансформаций, но суть ее сводится к простому тезису: истины не существует.

Утверждение, что истины не существует — отличный способ разом положить конец всем спорам о том, чьи религиозные убеждения правильнее. Если истины попросту нет, то дискутировать о том, какая религия истинна, бессмысленно. Зачем спорить о том, кто знает верный ответ, если верных ответов не существует в принципе?

Этот прием находит отклик у людей отчасти потому, что таким образом, как считается, можно прийти к толерантности, миру и гармонии между людьми. В определенном смысле («истинно для тебя»), по-своему прав каждый. Но при этом считать какую-то конкретную точку зрения истинной — заблуждение.

Когда люди говорят мне, что истины не существует, я не вполне понимаю, что они хотят услышать в ответ. Вероятно, они хотят, чтобы я с ними согласился. Но если я сочту, что они правы, и соглашусь с ними, то у меня сразу возникнет проблема. Согласившись с тезисом, что истина относительна, я признаю его истинным — но ведь именно это они и считают непозволительным. Понимаете, в чем загвоздка? Кроме того, утверждение, что истины не существует, выбивает почву из-под ног у Великого Поручения.

Обратите внимание на закономерность. В видимом мире происходит нечто явно лож-

ное и при этом имеющее духовное значение, и средний человек, как правило, реагирует неправильно, сам того не осознавая. Почему? Потому что в невидимом мире пущен в ход коварный план, заговор с целью ослепить обывателей. А духовные последствия такой слепоты катастрофические.

Воплощение другого замысла лукавого в настоящий момент идет полным ходом. Еще 2000 лет назад Господь Иисус высказал одно очень простое наблюдение относительно тварного мира: люди созданы мужчинами и женщинами. Из этого факта Он сделал несколько вполне здравомысленных умозаключений относительно природы сексуальных и супружеских отношений: один мужчина и одна женщина становятся одной плотью однажды и до конца земной жизни (Мф. 19:4-6).

**Главное оружие сатаны,
позволяющее ему одерживать
победы в духовной войне, —
не сила, а хитрость.
Поскольку его стратегия —
распространение лжи, самое
мощное наше оружие
прямо противоположно:
распространение истины**

Говоря об этом, Иисус опирался не на Свой божественный авторитет и даже не на Свою несравненную пронизательность. Для того, чтобы понять очевидное, не требуются ни сверхъестественные способности, ни духовная прозорливость. Скорее, Иисус высказал банальную мысль о том, что явно продиктовано природой (и ее Творцом): существуют мужской пол и женский, и они созданы друг для друга. Между тем, в наше время эта нехитрая истина уже не столь очевидна множеству людей. Более того, стройные ряды в целом вполне разумных людей агрессивно ее опровергают.

Почему же очевидное перестало быть таковым? Почему столь многие (к сожалению, среди них есть и христиане) игнорируют слова Иисуса, когда дело доходит до определения гендера, гомосексуализма и всевозможных сексуальных развлечений? Чем объяснить агрессивное отношение к людям, которые видят то, чего не видят другие? Причины этого носят не естественный, а сверхъестественный харак-



Джон Ньютон

тер. Эта ложь приводится в действие незримой силой из невидимого мира. В центре нынешних споров вокруг гендера и человеческой сексуальности — ни то, ни другое. На самом деле, яблоком раздора является вопрос о том, кто здесь главный — творение или Творец, Горшечник или глина.

На свет из тени

Наверное, вы уже поняли, как серьезны вышеназванные лживые идеи с точки зрения духовной войны. Все они имеют своей целью ослепить людей и внушить им ошибочные представления о чем-то имеющем духовное значение. Релятивизм сводит на нет все попытки отделить истину от лжи и позволяет отцу лжи царствовать безраздельно. «Гендерные войны» доводят право выбора, которым обладает человек, до почти смехотворной крайности и превращает сторонников Божьей точки зрения на секс и супружество в объекты преследования.

Вот в чем ключ. Если вы хотите увидеть невидимое, ищите некие радикальные изменения в видимом мире, имеющие духовное значение и при этом настолько явные, что, казалось бы, всем они должны быть понятны, однако же на самом деле все не так. Это верный признак. Это подсказка. Именно так мы узнаем, что ступили на территорию, где враг готовит главный удар.

Остальные люди не видят, что происходит, потому что за этими событиями стоят темные

духовные силы из мира, который сокрыт от их глаз, однако нам все открыто. Мы понимаем, что замыслил лукавый, мы можем подтянуть к этому участку «фронта» все резервы истины, мы можем предпринять все мыслимые шаги — руководствуясь мудростью, истиной и любовью, которые нам даровал Бог, — чтобы «все преодолевши, устоять».

Хочу закончить словами Джона Ньютона — бывшего работорговца, ставшего христианским гимнописателем и пастором, — взятыми из его самой первой проповеди, прочитанной в лондонской церкви св. Марии Вулнотской 19 декабря 1779 года. Он проповедовал на текст: «...говоря с любовью истину...» (Еф. 4:15, Новый русский перевод):

Библия — это великий кладезь истины, делиться которыми с вами будет делом и радостью моей жизнью. Это законченная система божественной истины, к которой ничего невозможно прибавить, и от которой ничего нельзя безнаказанно отнять. Любая попытка затушевать или смягчить какую-либо часть этой истины в угоду царящим вокруг на вкусам, а также во избежание недовольства или ради стяжания благосклонности таких же смертных людей неизбежно будет оскорблением для величия Божьего и изменой по отношению к человечеству. Призываю свою совесть во свидетельство того, что я намерен возвещать среди вас истину»⁴.

Сноски

1. Конечно, когда Иисус непосредственно сталкивался с бесами, Он разбирался с ними тут же, на месте. Однако необходимо сделать две оговорки. Во-первых, мы редко сталкиваемся с бесами лицом к лицу так же, как Иисус. В нашей повседневной жизни все происходит несколько иначе. Во-вторых, когда некая служанка, одержимая прорицательным духом, донимала апостола Павла, он много дней терпел, прежде чем изгнать из нее беса (Деян. 16:16-18). Таким образом, для нас прямое противоборство с силами тьмы представляется, скорее, исключением, нежели правилом.
2. Koukl, Gregory. *The Story of Reality* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2017), p. 85.
3. Именно поэтому защита истины (апологетика) является необходимой составляющей духовной военной стратегии Церкви.
4. Aitken, Jonathan. *John Newton — From Disgrace to Amazing Grace* (Wheaton, IL: Crossway, 2007), p. 272.

Оригинал статьи находится на сайте служения Stand to Reason (www.str.org)

ПОВЕРХНОСТНЫЕ ОТВЕТЫ НА ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ

Тревор Саттон

Что общего между Стивом Джобсом, Вольтером и моей мамой? Все они когда-то получили легкомысленные ответы на сложные богословские вопросы.

Стив Джобс оставил христианство в возрасте 13 лет. Его огорчила обложка журнала, на которой были изображены два голодающих ребенка из Биафры. Он вырос в лютеранской церкви, поэтому принес журнал своему пастору и спросил, знает ли Бог об этих голодающих детях. Если верить биографии Джобса, написанной Уолтером Айзексоном, пастор ответил: «Стив, я понимаю, что тебе трудно в это поверить, но Господь знает и об этом». Из-за этого ответа Стив ушел из церкви и больше никогда туда не возвращался.

Вольтер тоже хотел получить ответ на сложный богословский вопрос. Когда 1 ноября 1755 года землетрясение в Португалии унесло жизни тысяч людей, Вольтер задумался о причине человеческих страданий. Не удовлетворенный полученными богословскими ответами, он взялся писать «Кандида». Эта работа представляла собой едкую критику богословского объяснения человеческих страданий, предложенного Готфридом Лейбницем.

Моя мама задавала сложные богословские вопросы. В шестилетнем возрасте она столкнулась с проблемой, над которой не должен задумываться ни один ребенок. Почему Бог позволил умереть ее отцу? В ту ночь, когда он умер от сердечного приступа, моя мама задала этот вопрос своему пастору. Тот ответил, что ее папа нужен Богу на небесах. Моя мама ответила, что ей папа нужен здесь, дома.

Каждая из этих трех историй должна послужить нам предостережением: легкомысленные ответы вредны. Серьезные богословские вопросы требуют серьезных ответов. На кону вечная истина.

Давать продуманные ответы на сложные богословские вопросы всегда трудно. Этим приходилось заниматься каждому поколению



Тревор Саттон

христиан: Павел давал серьезные богословские ответы христианам, жившим в Риме, Коринфе, Галатии и в других частях Римской империи. Ранняя Церковь столкнулась с трудными вопросами о Писании, Иисусе и Троице. Другие поколения христиан отвечали на сложные вопросы о крушении империй, бессмысленных эпидемиях и необъяснимых случаях геноцида.

Сегодня христианам точно так же задают сложные вопросы. В наш век неопределенности давать продуманные ответы на серьезные богословские вопросы особенно трудно. Мы привыкли к скоротечным разговорам, отрывочным мыслям и стремительным ответам. Развить в себе привычку к глубоким размышлениям, осторожным высказываниям и терпеливым объяснениям непросто.

Как же христианам лучше всего отвечать на серьезные и сложные вопросы? Как отвечать на них таким образом, чтобы проявить уважение к спрашивающему и не поступиться истиной? Вот несколько рекомендаций.

1. Почему они спрашивают?

Когда я учился на пастора, один из преподавателей в семинарии учил нас отвечать на сложные богословские вопросы встречным вопросом: «Почему это вас интересует?» Этот совет много раз меня выручал. Зачастую человек задает вопрос по какой-то неочевидной причине. Поняв эту причину, вы сможете дать более толковый ответ.

2. Серьезные ответы требуют времени

В годы Реформации возникало много богословских вопросов. И многие реформаторы были готовы давать на эти серьезные вопросы серьезные ответы. Например, в «Апологии Аугсбургского исповедания» артикул об оправдании начинается так: «Но поскольку этот спор затрагивает самую важную тему христианского учения... мы просим Его Императорское Величество любезно выслушать наши объяснения по этому важному вопросу». Они знали, что содержательный ответ нельзя дать за несколько секунд.

Не торопитесь с ответом. Возьмите паузу, чтобы с молитвой все обдумать и сформулировать внятное и убедительное объяснение. Всегда разумно ответить на сложный вопрос так: «Вы не против, если я отвечу немного позже? Я хотел бы обдумать свой ответ». Казалось бы, дать скоропалительный и поверхностный ответ проще всего. Но смирение заставляет нас помнить о том, что первая мысль, пришедшая на ум (а возможно, даже вторая и третья) может оказаться не самой лучшей: «Конец дела лучше начала его; терпеливый лучше высокомерного» (Экк. 7:8).

3. Мягкость и уважительность

«Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3:15). Мы очень легко позволяем первой части наставления апостола (будьте готовы дать ответ) взять верх над второй (но делайте это с кротостью и благоговением). Дать мягкий и уважительный

ответ не значит придать своему голосу интонации радиоведущего. Это значит убедиться, что вы поняли суть вопроса, прежде чем приступать к объяснениям, дать собеседнику возможность правильно сформулировать вопрос и предложить ему продуманный и взвешенный ответ. Иногда уважительное отношение подразумевает смирение — когда приходится признаться собеседнику, что у вас нет убедительного ответа, и вы сами пытаетесь его найти.

4. Измените среду общения

Отвечать там же, где вам задали вопрос, — не всегда хорошая идея. Вы вовсе не обязаны отвечать точно таким же образом. Комментарии, СМС-ки, твиты и электронные письма — все эти средства коммуникации имеют свои недостатки. Иногда стоит сменить канал и выбрать другой, который позволяет общаться в более узком кругу. Результаты изучения социальных сетей свидетельствуют, что разговор с глазу на глаз оказывает на собеседника большее влияние, чем публичные комменты или посты. Если кто-то твитнул сложный вопрос, подумайте о том, чтобы ответить ему в личном сообщении. Если кто-то прислал вам СМС или e-mail, договоритесь о личной встрече.

Подходить к ответу на трудные вопросы следует с некоторой долей страха и трепета. В конце концов, «верно преподавать слово истины» (2 Тим. 2:15) — огромная ответственность. Бездумно рубя сплеча, можно наломать немало дров. Отвечать на трудные вопросы нужно вежливо, уважительно, серьезно и терпеливо. Будьте благодарны за то, что человек вообще задал вопрос (искренние возражения всегда лучше глухого безразличия), и что Бог счел вас для этого человека достойным собеседником.

Тревор Саттон — лютеранский пастор. Он служит в г. Лансинге, штат Мичиган, и сейчас работает над кандидатской диссертацией в Семинарии «Конкордия» в г. Сент-Луисе, штат Миссури. Его перу принадлежат две книги: *Clearly Christian: Following Jesus in this Age of Confusion* (Concordia Publishing House, 2018) и *Authentic Christianity: How Lutheran Theology Speaks to a Post-Modern World* (в соавторстве с Джином Вейтом, Concordia Publishing House, 2017).

Руководитель проекта Павел Столяров
Редактор Дмитрий Розет
Корректоры Ирина Речицкая, Валерия Йенсен

Почта: 191186, Россия, СПб., а/я 100
Веб-страница: www.apologetika.ru
E-mail: Russia@apologetika.ru

При перепечатке ссылка на «Вестник ЦАИ» с указанием почтового и электронного адресов ЦАИ обязательна